

Вера Павлова

Слишком много женщин

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
П12

Павлова В.

Слишком много женщин / Павлова В. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 72 с.

ISBN 978-5-532-93251-7

Перед вами сборник рассказов о женщинах, об их любви, наивности, желании материнства, дружбы, сочувствии и вере в то, что все будет хорошо. Книга об отношениях между женщинами, о которых пока пытаются умалчивать, вынося за рамки общественного дискурса. "Слишком много женщин" о том, что нет отдельных проблем и отдельного дискурса. Люди похожи и испытывают похожие эмоции в своем стремлении к счастью. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-93251-7

© Павлова В., текст, 2021
© Omiko Trading LTD., оформление, 2021

Содержание

Мои дети	4
Платье	7
Страх божий	9
Валя	13
Честно	19
Мама и рак	22
Воскресенье	26
Семилуки	30
И пришла Ваенга	35
Как все будет	40
Клоун и я	48
Нелюбовь	51
Просьба освободить вагоны	55

Мои дети

Такая жара в палате, что не передать: пальцы ног вспотели, руки – само собой, и шея, и живот в огне: там не кожа, а угли. Жирная потная тетка наклоняется и говорит, что удалили две трубы. Внематочная беременность.

Мне хочется орать, и чтобы сонная артерия лопнула, и кровь хлынула. Почему две удалили? Какого хера? Еще я бы крикнула, что за мои же деньги вы отхреначили мне детородные органы совсем, навсегда! Интересно, а я все еще женщина? А если мне удалили матку и трубы?

В том июле работы было немного. Она как-то сама собой летом заканчивается. Я стала раньше уходить из офиса, время появилось. Деть его некуда, особенно в первые дни. Как будто получила миллион в наследство: что с ним делать?

Весь город увешан плакатами «Солнечный круг». Это про детей, про приемных. Берешь ребенка, и будет тебе счастье. Можно не сразу брать, а походить, присмотреться, решиться. И я пошла.

Мне дали девочку. Ну, так само собой вышло. Я зашла в группу, увидела ее, она – меня. Мы пошли гулять по территории детского дома. Оказалось, что у детских домов бывают большие территории, что-то вроде парка. Кате надо было готовиться к школе, поэтому она брала с собой на прогулку книги. Мы вместе читали. Полчаса читаем, а потом снова гуляем. Месяца два я к ней ездила, потом позвонила в «Солнечный круг» узнать, что нужно для удочерения.

В принципе, ничего невозможного не было. Даже то, что я не из Москвы и не замужем, не было критичным.

17 июля была среда, и я заехала к Кате. Не в субботу, как обычно, а в среду. Собиралась в отпуск. Он был давно запланирован, всего-то пять дней. Мне хотелось предупредить ее, что в эти выходные мы не увидимся. Еще мне очень хотелось сказать Кате, что я ее заберу. Но в «Солнечном круге» предупредили: не говорите, пока нет полной уверенности. Тем не менее счастье рвалось из меня с таким напором, что машины на переходах останавливались, мужчины открыв-

вали двери, а прохожие в этот день улыбались и были невероятно красивы. В общем, все так, как бывает, когда человек счастлив.

* * *

Добралась до детского дома я часам к семи. Поздно, конечно, но раньше не получилось. К тому же летом семь часов кажется серединой дня и кажется, что еще хватит времени нагуляться и наговориться.

– А Кати нет, – сухо сказала мне воспитатель Надежда Петровна.

– Я подожду, – заодно ответила я. Мне показалось это само собой – подождать.

Я села, положила рядом сумку, достала книжку и оглядела коридор.

Надежда Петровна не уходила и как будто опешила. А что она хотела, чтобы я что? Я же не к ней, я к Кате пришла. Пускай уже выпускают мою блондинку-дочку, с ямочками, как у меня, и веснушками, тоже как у меня. А еще с руками, которые ей чуть велики.

– Не стоит ждать, – присела ко мне Надежда Петровна.

– Почему? У меня полно времени. Я не смогу приехать в выходные, поэтому хочу увидеть ее, – объяснила я.

Надежда Петровна выпрямилась, втянула живот, посмотрела вдаль. Стала похожа на статую Ленина.

– Ей нашли приемных родителей, и они уже подали документы. Сейчас они проводят с ней много времени, и мы решили, что не надо ей с другими взрослыми видаться, – уточнила воспитательница.

Мир поплыл. Я превратилась в молодую женщину, которая размечталась о счастье материнства, как иные мечтают об удачном замужестве. Стало душно и жарко. Стены в детском доме были обшарпаны, запахло краской: летний ремонт был в разгаре. Противно завоняло рыбой, что ли, на ужин давали? Я минтаем только кошку кормлю.

– До свидания.

– До свидания.

И больше никакого «Солнечного круга» и никаких детей, раз уж мне с ними так непросто.

Теперь тоже июль. Не тот, а этот. Я лежу в палате и больше не могу мечтать. Мне спокойно и радостно. Остался один вопрос: почему именно летом у меня отбирают детей, хотя теперь этого не будет, теперь их не будет никогда.

Платье

В 31 год я захотела ребенка и платье. Я никогда в жизни не надевала платье. У меня четыре старших брата, я всегда за ними донашивала. Меня никто не ждал, я случайный ребенок. Кто отец, мама так и не сказала, но отчество у меня, как у братьев, – Ивановна.

Меня зовут Вера. По образованию я педагог младших классов, институт закончила, но какой на хер я педагог? Я работаю в автосервисе *Volvo*, крашу машины. Хорошее место, мужчины привыкли, что баба с пульверизатором ходит, и я уже, как они. Мне пофиг. У меня только брюки, джинсы, рубашки и свитера. Есть одна синяя двойка с золотыми лацканами, я в ней на свадьбу к подруге Леле ходила.

* * *

Я захотела платье 24 августа 2010 года, через неделю после моего дня рождения. Я живу на Красном строителе, там у нас раньше рынок был, а теперь молл. Не люблю я туда ходить, толкотня. Но платье загорелось заиметь, поэтому вечером в понедельник, после смены, я зашла. Магазин на последнем этаже, размером с багажник «Амарока» и примерно так же забитый всякой всячиной.

– Маш, ты издеваешься, зачем пять кофт 44 размера?! – горлопанила продавщица так называемого бутика.

– Разбирай давай, продадим. Этот 44-й на 50-й натянуть можно, – отвечала ей другая тетка, похожая на первую, как будто они два крыла одной здоровенной машины.

Я смотрела на утрамбованные в шеренгу вешалки с платьями. Все какие-то одинаковые, как их различить?

– Девушка, вы хотите новую или старую коллекцию? – обратилась ко мне одно крыло, то бишь тетка.

– А есть существенная разница?

– Новое – всегда новое, а старое – старое, – изрекла мудрость другая продавщица, отвлекшись от разбора кучи.

Хотя нет, это не продавщица, наверное, хозяйка. Она в леопардовом кардигане с шеренгами блестящих колец, с алыми ногтями и губами. Все кричало: я главная! Как наш старший механик в лакированных ботинках.

– Мне платье нужно, – сказала я.

Тетеньки оживились. Может, им стало жаль меня, а может, надоело разбирать товар. Они принялись наряжать меня, как будто я кукла или дочь им. Рюши, кокетки и голая спина – жуть просто.

– Пойду я, – сказала я.

– Чет не нашли, – развела руками продавщица.

– погоди, куколка, – уцепилась за мою руку хозяйка заведения.

Куколка? Это я куколка? Вы таких куколок видели? Да охранник на входе больше куколка, чем я. Охренели они тут, что ли. В этот момент на меня напялили платье. Оно скользнуло по мне и остановилось на середине колен. В нем была молния наискосок по большому вороту и две молнии на рукавах. Черный цвет был таким глубоким, как при двойной окраске. Оно даже мерцало в магазинных лампах. Я себе нравилась. Даже ботинки не надо было менять. Мои 40-го размера, с двойными шнурками и клепками вдоль подошвы, подошли к платью.

– А ты говорила, что никому не подойдет, – горделиво сказала хозяйка. – У меня глаз-алмаз.

– Да ему уже четыре года, вон складка от пыли, – тыкала в мою спину продавщица.

– А что складка? Отстирается! Девушка, а можете прямо фломастером черным закрасить, ничего не будет видно, – торопливо советовала хозяйка.

– Я беру.

Нам всем было ясно, что я возьму это платье. Оно клевое, я в нем даже на работу стала ходить.

Через год (плюс-минус месяц) у меня родилась Аксинья. Даже неясно, кто кого родил – я Аксинью или мое платье Аксинью.

Страх божий

Ответьте на вопрос честно: вы страшная? Не в смысле, что у вас большой нос или узкие губы, вы не выпались или припухлости под глазами. Не в смысле толстых ляжек, тощих голеней и свисающей груди, а в смысле – страшнее атомной войны, то есть с кем бы вы ни сравнивали себя, вы всегда хуже? Короче, я очень некрасивая, ужасно некрасивая, катастрофически некрасивая.

У меня небольшое лицо, немного рябое, мама говорила, что от рождения глаза-бусинки (будь они у собаки, все бы умилялись), бровей нет – слишком белесые, нос вырос кривь и вверх. Считать меня красивой может только инопланетянин, он же захочет иметь со мной детей. Я стала лесбиянкой, потому что... Это не сработало (забегая вперед). Я стала лесбиянкой, потому что верила в женское сочувствие и маму. Она меня любила. Пока она была жива, я держалась, когда она умерла – я вошла в «тему», то есть стала лесби.

Мир лесбиянок закрыт и разнообразен. Здесь живут мужчины и женщины: все с сиськами и письками. Сексуальные ориентации – как в обычном мире. Да и все, как в обычном мире, хотя больше похоже на другую планету. Когда темы спускаются на землю (читай: попадают в обычный мир), они мимикрируют: говорят о романах с мужчинами, хотя на самом деле речь идет о женщинах, надевают платья, даже чулки и стараются не пялиться на баб, но все равно пялятся тайком.

Другой вариант – открытый вызов обществу. Выглядеть так, как натуралы представляют себе лесби: брутально, с серьгами, короткой стрижкой и сиськами, стянутыми бинтами. В обоих случаях – это средство защиты и охранная грамота. Как известно, лесби составляют 5 %, пусть 10 %, прочих, с аморальной ориентацией еще 10 % наберется. Что получается? Получается, что натуралы в подавляющем большинстве. А-а-а, страшно! Только страшно почему-то натуралам, что геи поработят их.

Я предпочитала не спускаться на землю. Слава богу, появились социальные сети. Беда была в том, что я уже полгода, как в теме, а трахали меня исключительно спьяну и всего один раз.

Я решила изменить внешность. Ну, заказала себе фотосессию, чтобы хоть в Фейсбуке кто-нибудь клеился. План был прост: девушка моей мечты клонет на фото, мы начнем общаться, она влюбитя, и ей уже будет все равно, как я выгляжу в натуре.

Так на моей страничке появилась дива, сидящая на леопардовой шкуре в позе Данаи. Одета была в шляпе, потертых ковбойских штанах и рубашке. Свет, макияж и фотограф – камера вместо рук – сотворили чудо: я была прекрасна. Девушки не то чтобы табуном повалили, но какой-то движ наметился. Вскоре постучалась девушка моей мечты. Такая активная, красивая и наглая, как тысяча чертей.

Сердце мое забилося.

– Мне таких слов еще никто не говорил, – пишу ей в чате.

Она на минуту зависла и отвечает:

– Быть не может, прелесть моя, ты ж умница и красавица.

Я решила не развивать тему. Мне-то мое удивление понятно, мне в реальности никто такого не говорил, а вот она не врубается в суть, потому что фотограф хороший.

Через месяц приятного виртуального культурно-социального и любовного общения я подумала: девушка моя с потрохами. После такого только жениться – и в долгую совместную жизнь. Я даже к маме на могилу ходить перестала.

Штаны, рубашка, шляпа, билет Нижний – Москва, и я набираю ее номер. Не сказать, что она возрадовалась, но и от встречи не отказалась.

В Царицыно было темно и ни одного кафе. В километре от ж/д станции нашли армянскую забегаловку с пивом. Я купила Астрид две бутылки. Так-то она Света, но вы знаете это присказку: Света – королева минета. Если бы меня звали Света, я бы тоже переименовалась.

Астрид выпила две бутылки в два глотка. Кажется, мой план не сработал, она не была моей с потрохами. Любовь моей жизни искренне пыталась превратить меня в аватарку на леопардовой